

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

А.Г. ГЛИНЧИКОВА

Прежде всего, хотелось бы отвергнуть все разговоры о неукорененности принципа и ценности частного интереса в российском национальном сознании вообще и современном сознании, в частности. Более того, можно утверждать, что именно частный интерес является *доминирующей, если не единственной, ценностью современного российского общества*. Как же так, спросите вы, почему же тогда не защищены у нас права человека и частная собственность? Да именно поэтому и не защищены. Наш с вами частный интерес и частная собственность не защищены... *от другого частного интереса именно потому, что у нас сегодня не осталось никаких иных ценностей, кроме ценностей частного интереса!* В самом деле – если мой частный интерес является единственной оставшейся ценностью, то чем (какой ценностью) я буду ограничивать его, когда он упрется в нос моего соседа? Правильно – ничем! И мой сосед тоже не имеет оснований возражать против того, что я не буду с ним считаться. Ведь у него тоже нет никаких других ценностей, кроме ценностей его частного интереса. Просто я оказался сильнее, а он – слабее. Но завтра, когда кто-то окажется сильнее меня – и мне придется отдать все.

Частная собственность не защищена у нас не потому, что у нас частный интерес не является ценностью, а по прямо противоположной причине – потому, что у нас разрушены все ценности, способные внутренне ограничивать частный интерес одного перед интересом другого. Эта недостающая ценность, признающая не только твой частный интерес, но и ценность *другого* частного интереса – есть ценность *общественного интереса*, который должен *ограничивать* частный. Поэтому если от чего-то мы с вами и страдаем сегодня в плане модернизации, то уж никак не от отсутствия ценности частного интереса, а, напротив – от его переизбытка, тотальности, от полного разрушения, эрозии ценности общественного интереса и общественного начала взаимной ответственности. В результате люди могут стремиться к власти для реализации своих частных интересов, которые естественным образом могут не иметь ничего общего (по крайней мере, не обязаны иметь ничего общего) с частными интересами всех остальных, кто не у власти. И точно по этой же

причине *тотального* господства ценности частного интереса общество не имеет никаких оснований возражать, когда власть используется в ущерб его интересам. Ведь мы сами на своем уровне тоже живем по этому же принципу. Во имя чего же тогда мы будем критиковать тех, кто у власти?

Но тогда возникает другой вопрос – а откуда же тогда в России, развивавшейся сотни лет в условиях патерналистской монархической системы и еще 70 лет в условиях так называемого социализма и так называемой общественной собственности взялся вдруг этот частный интерес как базовая ценность, причем до такой степени, что вытеснил напроць вообще все остальные ценности?

Для ответа на этот вопрос достаточно вспомнить, что представляла собой наша система: по трое не собираться, никаких публичных обсуждений и дискуссий, никакой политической или экономической самостоятельности. Мы все были частными лицами, только частными лицами. У нас не должно было быть никакой внутренней потребности и, тем более, возможности самостоятельно действовать как лицам публичным. Общественные вопросы и действия не в компетенции населения. Для этого были соответствующие органы – государство, спецслужбы и т.д., которые, кстати, тоже состояли из таких же частных лиц, которые лишь выполняли предписанные им системой действия. Эта система, полностью выродившаяся и утратившая в ходе открытого политического, а позднее более тонкого, но не менее жестокого антиобщественного террора к концу XX в. все последние следы того общественного импульса, который был заложен революцией, за 70 лет превратила нас всех... *в частных лиц, способных иметь и понимать только один вид интереса – частный интерес.*

Парадоксальная, но абсолютно естественная вещь – тоталитарная система все больше вырождалась в систему, основанную на тотальной ценности частного интереса, планомерно разрушая и вытесняя самостоятельное общественное начало и общественные ценности из сознания людей, при этом лицемерно продолжая прикрываться общественными лозунгами, под конец уже прямо презираемыми всеми.

Что же удивляться тому, что, когда, наконец, эта система и эти лозунги рухнули, все кинулись «реализовывать свой частный интерес»? В этих условиях на любом уровне в принципе могут доминировать и, увы, зачастую доминируют все те же... частные интересы. И естественно, наиболее полно и защищенно эти

интересы могут удовлетворяться при осуществлении именно... общественных функций.

Все это свидетельствует в пользу того, что режим, который мы имеем сегодня, есть не что иное, как режим тотальной частной собственности, захвативший абсолютно все уровни общественной жизни, включая политические, и опирающийся на ценность частного интереса как единственно возможный тип ценностей.

Но тогда возникает вопрос, а почему же тогда на Западе все не так или не совсем так?

Для того, чтобы институт частной собственности в обществе стал уважаемым и неприкосновенным, нужны два условия. Первое действительно состоит в реабилитации и утверждении частного, индивидуального интереса как важной общественной ценности. Но этого недостаточно. Нужен еще один момент, еще одна очень важная ценность — в обществе должна укорениться *ценность частного интереса другого, т.е. ценность интереса, противоположного моему частному интересу. Признание этой ценности и важности для тебя частного интереса другого или других и называется ОБЩЕСТВЕННЫМ интересом, который в определенном смысле не только противостоит твоему частному интересу, но, что самое важное — ограничивает твой частный интерес.* Без второго этапа, без формирования такого ограничителя в виде признаваемой и разделяемой всеми членами общества ценности общественного интереса, ничем не ограничиваемый частный интерес фактически пожирает сам себя. Либеральная свобода и конкуренция очень быстро превращаются в криминальное право сильного подмять под себя всех и диктовать всем свою волю. Причем наиболее сложным моментом здесь становится именно второй этап трансформации — этап *формирования ограничителей, т.е. формирования ценности общественного интереса.*

В самом деле, какой бы возвышенной и одухотворенной ни была та или иная культура, в любом случае природа человеческая будет диктовать ценность физического выживания и самосохранения индивида. Но вот второй части, а именно, признания ценности общественного интереса как ценности частного интереса или интересов *других* нам действительно не хватает. Поэтому наша проблема связана со сбоем в процессе формирования *внутренних* ограничителей частного интереса *каждого* во имя интересов другого, других, т.е. во имя общественных интересов. Если мы действительно хотим сформировать социально-экономическую систему, в которой частные экономические и социально-полити-

ческие интересы были бы защищены, нам необходимо *реабилитировать и развить ценность общественного интереса*. Именно этой ценности общественного интереса нам не хватает для построения цивилизованного либерального общества.

При этом я вовсе не провозглашаю такую цель. Я просто проясняю это для тех, кто искренне хотел бы, чтобы в нашей стране сформировался так называемый цивилизованный институт частной собственности с относительно гарантированными экономическими и политическими правами личности. Без ценности общественного интереса, ограничивающего частный, нормальные либерально-демократические отношения частной собственности будут невозможны.

Получается, что для укоренения отношений частной собственности нам необходимо определенное *сочетание сразу двух противоположных ценностей — частного и общественного интереса*. Но разве они не противостоят друг другу, не вытесняют друг друга? Как соединить эти две противоположные ценности? И почему у нас в нашей обозримой истории они не столько соединялись, сколько боролись и подавляли друг друга?

Причина в том, что наше общество шагнуло от традиционного крестьянского прямо к современному, индустриальному, минуя фазу гражданской трансформации системы ценностей, существенным моментом которой стало формирование морального механизма внутренних ограничителей частных интересов. Изначально этот процесс *интериоризации* моральных ценностей (ограничивающих норм) в Европе имел религиозную форму и осуществлялся в ходе Реформации. А позднее получил философскую интерпретацию и правовое воплощение в системе демократических политических институтов и правовых норм.

Однако такое своеобразие развития нашего общества вовсе не означало, что к периоду индустриальной трансформации оно не выработало в своей культуре норм, ограничивающих частный интерес и не сформировало ценности общественного интереса. Сформировало и еще какую! Именно русская культура конца XVIII — XIX вв. фактически взяла на себя выполнение той исторической задачи, которую не смогла в свое время осуществить церковь, а именно — задачу *интериоризации* морали и формирования внутренних ограничителей частного интереса во имя признания ценности *другого*. Чаадаев, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Герцен, Хомяков, Киреевский, Белинский, Чернышевский, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов — освоение их творчества

дает настолько мощный импульс к формированию ограничителей принципа частного интереса и уважения к ценности личности другого человека, что по существу обеспечивает возможность утверждения общественного интереса как важнейшей социальной ценности в нашей культуре.

Почему же, в таком случае – мы переживаем такой период упадка ценности общественного интереса? Я бы даже сказала – период агрессивного отторжения общественного интереса как важной общественной ценности?

«Общественный интерес» как ценность и «общественная собственность» как институт и общественное отношение это не одно и то же. Общественный интерес как ценность неизбежно должен присутствовать в любом обществе и *в той или иной форме* уравнивать, ограничивать частный интерес, если это общество хочет выжить, независимо от господствующих форм собственности. Общественный интерес как ценность может воплощаться в форме религиозных императивов, в форме нравственно-этических принципов, в форме господствующей идеологии. По-видимому, возможны и иные формы воплощения общественного интереса. В любом случае, эрозия ценности общественного интереса всегда приводила к разрушению социума, будь то античные Афины, Древний Рим, позднее Возрождение, Византия, Франция, Англия, Германия или Россия накануне революций.

В этом смысле кризис ценности общественного интереса в современной России, хотя и связан определенным образом с кризисом экономических отношений, ассоциировавших себя с общественной собственностью, но не совпадает с ним. Как институт частной собственности предполагает определенное сочетание общественного и частного интереса как двух основополагающих ценностей, в такой же мере и общественная собственность, как социальный институт, не отрицает, а напротив, предполагает ценность не только общественного, но и частного интереса каждого члена общества. Просто они характеризуются разными формами сочетания. Но если в культуре не сформировалась или не до- сформировалась по каким-либо причинам ценность общественного интереса, или она сформировалась в форме, *несовместимой* с защитой частного интереса, то в такого рода обществе любые отношения собственности будут принимать тотальный неустойчивый характер, независимо от того, будут ли это отношения частной собственности или общественной. При несформированной ценности общественного интереса обще-

ственная собственность легко вырождается в форму тоталитарного подавления права общества на участие в реализации общественного интереса, что мы имели возможность наблюдать в период так называемого социализма. В условиях же провозглашения принципа частной собственности тот же самый процесс просто получает дополнительную институциональную поддержку в виде отказа от лицемерных «общественных» лозунгов «реального социализма». При этом лицемерие этих лозунгов состояло не в их содержании, а в их приложении, в их отношении к реальной жизни.

Проще говоря, социализм рухнул не потому, что общественного интереса как ценности было слишком много, а потому, что революционный запал общественного творчества раннего этапа был почти совершенно вытеснен и искусственно ограничен чисто частным интересом и дискредитирован в ходе последовательного отчуждения граждан от самостоятельного участия в экономической и политической жизни общества. Узурпация государством общественной составляющей индивидуальной активности людей под лозунгами «общественной собственности» привела, с одной стороны, к соединению в сознании людей принципа «общественной ценности» и «общественной собственности», а с другой — к заблуждению относительно главной причины заболевания системы — якобы недостаточного уважения к частному интересу.

Поэтому, если мы действительно хотим преодолеть эту систему и выйти за ее пределы к системе отношений, уважающей человеческое достоинство, экономические, социальные и политические права людей, нам необходимо развитие ценностей, внутренне ограничивающих частный интерес, т.е. ценностей общественного интереса.

Слово «внутренне» — ключевое в данной ситуации. Предыдущая система, практически полностью истребившая ценность общественной самостоятельной активности, оставив людям для забот лишь узкую сферу их частной жизни, разумеется, не могла бы существовать без определенных ограничительных механизмов для этих частных интересов. Но поскольку внутренняя общественная составляющая деятельности людей была под запретом, то частный интерес не мог ограничиваться иначе, нежели извне, внешним образом с помощью политических и идеологических репрессий.

Не всякий частный интерес является гражданским и ведет к формированию либерально-демократических отношений в сфере политики и экономики. До тех пор, пока частный интерес

не трансформировался из патерналистского в гражданский частный интерес, т.е. не обрел внутренних ценностных ограничителей в социальной культуре, он будет вести либо к распаду системы, либо к формированию внешних авторитарных ограничителей¹. Поэтому характер института общественной собственности (авторитарный или демократический) определяется не самим этим институтом как таковым, а тем типом частного интереса, который доминирует в той или иной социальной культуре. Это также справедливо в отношении характера отношений частной собственности, которая в случае наложения на патерналистский тип частного интереса с необходимостью потребует авторитарных ограничителей или также приведет к анархии и коллапсу системы.

Мы умышленно оставляем сейчас в стороне весь круг вопросов о том, является ли общественная собственность необходимостью, как и вопросы, связанные с проблемой эволюции отношений частной собственности с тем, чтобы не выходить за рамки предложенной темы обсуждения. Но один аспект этой темы нам придется затронуть, поскольку без него вопрос о соотношении национальной культуры и модернизации решить будет невозможно.

Самый сложный момент в вопросах взаимоотношений каждого человека и общества состоит в том, что в жизни отдельного человека есть сферы относительно отдельного, сингулярного существования и есть сферы общего существования. К сфере общего существования относится сфера культуры, т.е. та сфера, которая «отвечает» за превращение человекообразного живого существа в собственно человеческого индивида, со всеми его интересами, ценностями, мышлением и всем тем, что именуется громким и модным словом идентичность. Тот факт, что каждый человек осваивает и приобщается к этой сфере индивидуально, не отменяет ни общности культуры как источника, ни общности культуры как продукта, ни, наконец, общности культуры как сферы, пространства интеллектуальной деятельности. Поэтому частное выращивание культуры в виде столь модных на сегодня частных вложений в некие отдельные (изначально запланированные) точечные инновации есть дело малоперспективное. То же относится и к другим системным сферам, таким, как здравоохранение, образование, наука, окружающая среда. Хотим мы этого или не хотим, близки ли нам частные интересы или общественные ценности, но если мы хотим развивать эти системные сферы, мы должны искать наиболее эффективные способы поддержания их «здоровья» в целом, не расчлняя их на части. Тут есть свои меха-

низмы определения эффективности развития системных сфер, но их нельзя искусственно разрывать, пытаюсь извлекать прибыль из эффективного производства частей, как это происходит в других, менее системных сферах жизнедеятельности, как то — производство продуктов и услуг для частного потребления.

Проблема национального единства напрямую упирается в относительную равномерность доступности системных сфер жизнедеятельности, имеющих общественное значение и непосредственно общественную природу. Самый страшный удар по общественному единству проистекает обычно не от разнообразия идей и подходов в решении тех или иных проблем, а от искусственно создаваемой невозможности для одной части общества систематически подключаться к достигнутому уровню общенациональной культуры как в духовном, так и в экономическом плане.

Независимо от того, какие отношения собственности будут признаны в качестве доминирующих — эти системные сферы жизнедеятельности будут сохранять непосредственно общественную природу.

Итак, сам факт существования и нарастающего значения этой системной сферы в жизни общества предполагает развитие и институционализацию в той или иной степени общественных форм присвоения, как бы это ни называлось и как бы ни оформлялось. Последнее, на мой взгляд, не следует путать с тем типом обобществления, на который вынуждены были вступать страны с колониальным прошлым для форсированного решения задач индустриализации.

Хотя и в том и в другом случае речь идет об обобществлении, тем не менее, в случае с форсированной индустриализацией речь идет об обобществлении сфер, которые в принципе при нормальных условиях более эффективно функционируют как рыночные, т.е. сфер, создающих продукты индивидуального частного потребления. Однако в условиях противостояния с более развитыми системами и необходимости защищаться от их экспансии приходится идти на подобные радикальные меры со всеми вытекающими для такого «необходимо преждевременного социализма» последствиями. При этом важно иметь в виду, что этот путь развития предполагает неизбежную закрытость этих систем в условиях капиталистического окружения. И, следовательно, их неизбежную недолговечность.

Но как бы мы ни понимали общественную собственность, как бы ее ни оценивали, в любом случае для нас важен вопрос

о соединении общественной собственности и частного интереса. Как частную собственность нельзя отождествлять исключительно с ценностью частного интереса, так и общественную собственность нельзя отождествлять только с ценностью общественного интереса. Эпоха Модерна – это эпоха соединения частного и общественного интереса, особого соединения частного и общественного начал как движущих стимулов в деятельности *каждого человека*. Собственно именно этим пред-Модерн и отличается от Модерна. Для пред-Модерна частное и общественное начала разведены в обществе по полочкам социальной иерархии². В деятельности одних воплощено лишь частное начало, в деятельности других нет почти ничего частного, потому что все их действия приобретают общественное значение в силу того места, которое эти люди занимают в социальной иерархии. И сама эволюция от предмодерна к модерну во многом состоит в постепенном соединении частного и общественного начал в каждом в более или менее равной степени. По крайней мере, принцип универсальности человеческой природы предполагает соединение частного и общественного начал в качестве неперемennого атрибута каждого человека. Вначале это реабилитация частного начала в каждом, в деятельности, направленной на реализацию частного интереса. Затем – формирование внутренних ограничителей (религиозно-моральных, рационально-моральных), обосновывающих внутреннюю необходимость для человека добровольно ограничивать свой частный интерес интересом другого, других, общим интересом. Если трансформация от пред-Модерна к Модерну не завершена, то это означает, что какая-то из этих ценностей не сформирована или *недо-сформирована* в обществе по тем или иным причинам и, следовательно, в этом обществе сложатся социальные отношения незавершенного Модерна.

Незавершенный Модерн может выразиться и в форме доминирования принципа общественной собственности и в форме доминирования принципа частной собственности. В любом случае, отличительной чертой такого общества будет его *тотальность*. Это будет либо универсализация принципа общественного интереса, но обязательно с подавлением и запретом частного как ценности, либо, наоборот, форма универсализации частного интереса с подавлением и запретом общего интереса как ценности. При всем внешнем различии систем оба варианта будут неустойчивы, поскольку игнорирование частного начала в жизни людей приведет к такой же дегуманизации общественной жизни, как и игнори-

рование общественного. А дегуманизация общественной жизни всегда оборачивается деморализацией, кризисом общественного доверия и, в конечном счете, распадом системы, ослаблением общественной консолидации. И выход только один – завершение процессов модернизации – формирование или доформирование недостающих ценности, или, точнее, завершение процесса органичного синтеза частного и общественного начал в жизни каждого члена общества.

В России процесс модернизации не был завершен. Мы ступили на путь, по существу, постколониальной индустриализации в условиях абсолютно несформировавшихся внутренних ограничителей частного начала (т.е. ценности общественного начала) в деятельности большинства членов общества. Русское крестьянство при всей своей известной «общинности» никогда не было действительным участником экономического и политического процесса в гражданском смысле. Его общественные функции осуществлялись не в ходе добровольной реализации его частного интереса, а извне по отношению к нему, внешним образом, в форме внеэкономического принуждения к работе «на общее благо», т.е. на благо государства. Поэтому крестьянский частный интерес не имел внутреннего ограничителя и в массе своей либо требовал внешнего полицейско-идеологического ограничения либо порождал «бунт бессмысленный и беспощадный», т.е. вел к разрушению системы. Конечно, этим внутренним моральным ограничителем могла служить религия, вера. Но здесь нужно иметь виду, что и религия в том виде, который она приобрела, в силу сложившихся социо-культурных обстоятельств³ скорее выполняла функцию *внешнего* ограничителя. Эта социальная функция внешнего ограничителя частного требовала от религии усиливать именно *деиндивидуализирующую составляющую* учения, делая упор на идее бренности земной жизни и частных интересов, подчеркивая значение потустороннего существования и жертвенного преодоления частного начала во имя всеобщего посмертного единения, вообще отрицая ценность индивидуального как отдельного. Индивидуализирующая же составляющая религии в этом случае сознательно приглушалась, уводилась в тень, а иногда и просто открыто подавлялась.

Несмотря на несомненные достижения русской культуры XIX в. в области защиты индивидуального начала как моральной ценности, большая часть общества оказалась вне глубокого влияния этого течения мысли в силу своей фактической отрезанности от

этой культуры безграмотностью и общим уровнем социальной неравномерности. Несформированность внутренних ограничителей частного интереса в соединении с холистскими тотальными ценностями активно насаждаемыми самодержавной системой с помощью церкви сформировали то уникальное сочетание нерасчленимости и неразличимости частного и общественного начал в сознании общества, которое на протяжении семидесяти лет обеспечивало легитимность тоталитарной системы в России. Лукавство этого специфического «слияния» частного и общественного начал порождало трудности противостояния этой системе. Одним казалось (и кажется до сих пор), что этой системе не хватает ценности частного интереса. Другим, наоборот казалось (и продолжает казаться), что эта система разрушается именно от недостатка общественного интереса как ценности. И оба лагеря смутно сознают, что они и правы и не правы одновременно. На самом деле этой системе не хватает именно *разделения* частного и общественного интереса, причем такого разделения, при котором и тот и другой оставались бы реальными стимулами деятельности каждого конкретного человека. В данной исторической ситуации нам необходимо вернуть в нашу повседневную жизнь и наше сознание ценность именно общественного интереса, поскольку мы слишком перегнули с частным и не оставили для себя никаких внутренних стимулов и механизмов к его добровольному самоограничению в целях гражданского согласия и поддержания устойчивости социальной системы. Но вернуть не в той тотальной идеологической форме, в которой он использовался для подавления всего человеческого и личного в человеке, не для вытеснения частного интереса как такового, а для его сохранения и разумного само-и-взаимоограничения.

Разумеется, тема общественной собственности и ее форм не может быть исчерпана этим кратким замечанием. Но рассмотрение ее во всем объеме выходит за рамки данной статьи. Здесь для нас важно было просто зафиксировать, что как частная, так и общественная собственность для своего эффективного функционирования предполагают не только наличие в общественной культуре обеих ценностей: частного и общественного интереса, но и их четкое разделение и сознательное добровольное сочетание в качестве стимулов деятельности каждого отдельного человека, а также легитимацию этого принципа в общественном сознании.

Этот важный вывод дает нам основание по-новому взглянуть на проблему соотношения модернизации и демократической консолидации общества в условиях многообразия национальных культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.

² *Habermas J.* The structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. – Cambridge: UK Polity Press. 2005. – P. 5 – 14.

³ *Глинчикова А.Г.* Раскол или срыв «русской Реформации»? – М., 2008.

Аннотация

Модернизация предполагает рыночную трансформацию. А рыночные отношения невозможны без института частной собственности. Внедрение института частной собственности с необходимостью порождает неравенство. А неравенство становится важнейшей угрозой для общественной консолидации. Социальный раскол общества, подрывая социальную стабильность, препятствует успешной модернизации. Для того, чтобы выйти из этого замкнутого круга попробуем разобраться с тем, как соотносятся частная собственность и общественный интерес.

Ключевые слова:

модернизация, общественный интерес, интериоризация морали, патерналистский частный интерес, гражданский частный интерес.

Summary

Modernization presupposes market transformation. Market transformation is impossible without development of the institute of private property, which involves inequality. Inequality becomes a threat to social consolidation and sustainability and creates problems for successful modernization. To break the closed circle of these problems, we'll have a look at an important problem of correlation between of "private property" and "public interest".

Keywords:

modernization, public interest, interiorization of morality, paternalistic private interest, civic private interest.